

Казалось, что за ними скрывается огромный колодец, наполненный веками памяти и долгих, медленных, устойчивых размышлений; но их поверхность искрилась настоящим: как солнце мерцает на внешних листьях огромного дерева или на ряби очень глубокого озера... Казалось, будто нечто, растущее в земле - спящее, можно сказать, или просто ощущающее себя чем-то между кончиком корня и кончиком листа, между глубокой землей и небом, - внезапно проснулось и рассматривает тебя с той же медленной заботой, с какой оно бесконечно долго занималось своими внутренними делами". Две башни

Гарри резко проснулся и тут же пожалел, что не проснулся. Боль, казалось, исходила от его головы. Болели даже веки. Вдалеке послышался постоянный скрип, но об этом быстро забылось, когда тело резко дернулось, а голова словно снова раскололась. Он не мог сказать, сколько времени пролежал так, свернувшись калачиком и плотно закрыв глаза, пока голова пульсировала. Наконец скрип и удары прекратились, и Гарри медленно открыл глаза.

Его щека была прижата к гладкому деревянному полу, и ближайшая к нему стена была такой же. В щели между досками проникал свет, отчего все вокруг казалось мутным и тусклым. Гарри медленно пошевелился, чтобы сесть, но замер, услышав металлический звон. Он быстро повернул голову, чтобы посмотреть, и его чуть не вырвало от боли, возникшей в голове. Он крепко зажмурил глаза, затем медленно повернул голову и открыл их.

Его ноги были скованы цепями. Гарри резко вдохнул, стараясь не поддаваться панике, так как в памяти всплыли воспоминания о том, как он был схвачен в последний раз. Он должен был выбраться - и немедленно.

Где же его палочка? Гарри судорожно оглядел маленькую комнату, но палочка не появлялась.

Ничего не видя, он медленно прижался лбом к стене и попытался заглянуть между деревянными досками. Снаружи заходящее солнце отбрасывало длинные тени. Казалось, что они находятся в долине, а сверху доносился слабый звон металла и крики из высокой крепости, стоящей на склоне горы. Парапеты, казалось, врезались в само небо, хотя здание, казалось, находилось на грани разрушения и упадка.

За пределами его камеры люди ловко привязывали лошадей, их длинные волосы развевались, как хвосты лошадей. Другие разбивали лагерь и разводили небольшие костры. В воздухе витал запах готовящейся пищи, и у Гарри заурчало в животе. Он не ел с момента нападения на Хогвартс, а это могло случиться уже несколько дней назад.

Словно прочитав его мысли, дверь повозки отворилась, и в нее грациозно вошел солдат с дымящейся миской, не взболтав ни капли. Вблизи Гарри поразила внешность мужчины: длинные волосы обрамляли идеально пропорциональное лицо, гладкое и нестареющее. Часть волос была убрана за длинное остроконечное ухо. Внезапно Гарри засомневался в том, что это вообще люди.

Возможно, битва, которую он видел, происходила между двумя разными магическими существами. Это человекоподобное существо напомнило ему веилов, которые танцевали на

матче Кубка мира.

Охранник поставил чашу рядом с ним, а затем отступил назад, произнеся несколько слов на грубом языке. Гарри почувствовал, как у него заныло сердце. Он надеялся, что все еще находится в Англии, но вероятность этого становилась все меньше и меньше. Тем не менее он счел за лучшее попытаться узнать английский язык королевы.

"Где я? Кто вы?" - спросил он своим лучшим командным голосом. Солдат тупо посмотрел на него, а затем попытался заговорить на другом языке, который звучал отчетливо и вальяжно. Гарри не узнал его. Он попытался бы заговорить по-французски, но подумал, что охранник его не поймет, а он и так никогда не был успешен на уроках французского в начальной школе.

Ему начало казаться, что он находится не в Англии - или, возможно, не в Европе. Однако он понятия не имел, где может находиться. Оставался только один выход, но он был неприятен. Хотя он не знал заклинаний переводчика, он научился нескольким трюкам во время охоты за крестражами в Албании. То, что он будет опускать их на незнакомой, недружелюбной территории, не радовало его. Однако это был единственный выход: Гарри медленно опустил щиты и направил нить мысли к охраннику.

Он с легкостью проник в его разум - ментальных щитов у охранника не было. Он медленно вплетал мысли в воспоминания мужчины, не стремясь к какому-то определенному результату, но пассивно поглощая как можно больше словарного запаса.

Воспоминания - забавная штука: хотя воспоминания мужчины были на его родном языке, Гарри понимал их так, словно сам был стражником. Хотя большинство воспоминаний охранника были на одном языке, некоторые - в том числе о недавнем общении - были на другом. Гарри начал пытаться различить эти два языка, когда почувствовал прикосновение другого разума к своему.

Первое прикосновение было любопытным, но быстро превратилось во враждебное, когда он почувствовал, что находится в чужом разуме. Вся тяжесть разъяренного разума обрушилась на щиты Окклюменции Гарри, и он быстро отступил в свой собственный разум. Атака ударила по щитам, и раскалывающаяся голова снова разгорелась с новой силой. Он попытался контратаковать, но понял, что разум находится дальше, чем он думал, - он исходил из крепости наверху. Он не мог проникнуть так далеко, не потеряв контроль над собственными щитами.

Охранник все еще пытался заговорить с ним, возвращаясь к грубому языку, с которого он начал. Гарри не смог сдерживать ворчания, когда на него обрушился очередной удар. Ему нужно было бежать. Охранник наконец повернулся, чтобы выйти из повозки, возможно, в поисках переводчика.

В тот момент, когда охранник вышел из повозки, Гарри уже успел сжаться в форму феникса, и оковы освободились, а ноги сжались в когти. В этот момент ему было все равно, есть у него палочка или нет. Вместо этого он думал только о побеге. Он хотел вернуться в Хогвартс; черт, даже Запретный лес был бы лучше, чем здесь.

Он нырнул в тень и сосредоточился на небольшой рощице в Лесу, которая должна быть безлюдной. Сначала он отправится туда, а потом полетит в замок, чтобы лучше видеть оставшуюся битву. Темнота окутала его, но тропинки не было. Это было похоже на призрачную защиту, но раньше ничто не мешало ему прыгать по теням. Гарри удвоил усилия, ориентируясь только на шелест деревьев в Лесу и сладкий запах травы.

Наконец что-то поддалось, и Гарри исчез, оставив после себя короткую звуковую пустоту. В башне леди Галадриэль в замешательстве смотрела, как исчезает разум, вторгшийся в сознание одного из ее подданных. Однако долго размышлять над этой загадкой ей не пришлось: на парапетах Дол-Гулдура появились новые враги. Этот бастион зла слишком долго продержался на этой земле. Она повернулась к крепости и приказала атаковать.

В следующее мгновение Гарри открыл глаза и увидел, что над ним возвышаются древние дубы и сосны. Поляна выглядела... по-другому, но это было неважно. Гарри взмахивал крыльями, поднимаясь все выше и выше, пока не достиг вершины деревьев. Лес простирался насколько хватало глаз, и в воздухе почти осязаемо чувствовалась магия. Была только одна проблема - здесь не было Хогвартса. Теперь он был без палочки и совершенно потерян.

Гарри летал кругами, ища любой знакомый ориентир, но ничего не мог найти. Лес спускался с гор на западе, а затем превратился в холмы, над которыми Гарри сейчас летел. На востоке земля выровнялась и превратилась в огромную равнину. Ни одного существа - ни доброго, ни иного - не было видно. Гарри хотелось закричать от досады, но получалась лишь заунывная трель. Он понятия не имел, где находится. Он знал только, что не может попасть в Хогвартс, что у него болят голова и плечо и что все здесь хочет на него напасть.

Сосредоточьтесь, ему нужно было сосредоточиться.

Гарри скользнул вниз, снова превратился в человека и сел на ствол дерева. Он закрыл глаза и погрузился в легкий транс, осторожно проверяя, сохранилась ли его Окклюменция после недавней атаки на его разум.

Барьеры почти не сохранились. Они были потрепаны во время схватки с Волдемортом, а теперь, после вторжения неизвестного разума, щит полностью разрушился. Он начал кропотливо восстанавливать барьеры Окклюменции, но никак не мог сосредоточиться.

Теперь, когда ему больше не угрожала опасность, он не мог не вернуться к воспоминаниям о том дне, когда упали Рон и Гермиона. Он пытался выкинуть из головы эти образы, но их становилось всё больше: близнецы Уизли, уничтоженные своими же продуктами, обращёнными против них; Невилл, героически использующий меч Гриффиндора, чтобы пронзить Нагини, когда она вонзила свои клыки глубоко в его руку.

Вскрикнув, Гарри резко открыл глаза и уставился на все еще незнакомый лес. Это было слишком. Смерть друзей, битвы, а теперь еще и это. Гарри почувствовал, как у него перехватило дыхание, и его мир начал рушиться. Сам того не замечая, его форма начала темнеть и уменьшаться. Он понял, что вернулся в форму Анимега, только когда его горе,

острое и неровное для человека, притупилось в сознании феникса.

Прояснившийся разум позволил ему восстановить слабый контроль над щитами Окклюменции, и он вспомнил кое-что, что Снейп сказал ему перед окончанием их уроков. Он медленно представил себе хранилище, хранилище Гринготта, и вылил в него все свое горе, гнев и страх. Он представил себе связанные с этим воспоминания, нагруженные острыми зазубренными эмоциями, которые только отвлекали его на незнакомой территории, и затолкал их в хранилище, мысленно представляя, как дверь закрывается со щелчком.

Снейп предупреждал его, что пользоваться этой техникой можно только тогда, когда она больше всего нужна: Гарри не мог представить себе более подходящего дня, чем этот.

<http://tl.rulate.ru/book/102871/3569397>